

Вячеслав
Репин

16+

Дураки

п о в е с т ь

Вячеслав Репин

Дураки

«Автор»

2019

Репин В. Б.

Дураки / В. Б. Репин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08056-0

Повесть "Дураки" – одно из последних произведений живущего во Франции писателя-эмигранта. Повесть вышла из-под пера автора в 2018-2019 гг., сразу вслед за романом «Ловец удовольствий и мастер оплошностей». Содержание этого нового произведения по-своему необычно. Автор впервые напрямую обращается к теме веры. Неординарный для современной русской литературы взгляд на вещи заставляет задуматься над самим понятием «современность». Не являются ли эти вопросы вечными? А для некоторых людей – главными и смыслообразующими? Действие предлагаемого читателю трагического повествования происходит в наши дни в Подмосковье...

ISBN 978-5-532-08056-0

© Репин В. Б., 2019

© Автор, 2019

Вячеслав Репин

Дураки

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...»
Еккл. 1:9

* * *

В летний субботний день клязьменская шпана – а настоящая шпана в зажиточном Подмоскowie давным-давно перевелась – планировала собраться у ворот Николая Степаныча. Вместе решили поехать порыбачить. Вечерний лов бывал неплохим на дальнем озере. «Дальним» же его называл один Николай Степаныч и только потому, что рядом с другим водоемом, ближе к Клязьме и Учиновке, он сдавал дачникам небольшую хибару.

И всё пошло не так с самого начала. Пробыло три часа дня, парни не появлялись. Николай Степаныч выгнал запыленный «шевроле» за ворота и уже с полчаса топтался перед калиткой и ворчал на своего Дружка, преданную лохматую псину. Отправляясь на рыбалку, собаку он брал обычно с собой. Дружок нетерпеливо поскуливал у ног хозяина.

Из троих явились двое. Петька Колесников и Веселуша. И один Веселуша принес удочки, сумку, рыбацкие принадлежности...

Николай Степаныч рыбачить за компанию не любил. Однако с прошлого года, когда намечал поехать куда-нибудь подальше, звал с собой соседских ребят. Вчерашние старшеклассники и разгильдяи, а сегодня студенты – соседские дети успели обзавестись водительскими правами. Кто-нибудь из ребят, обычно Колесо – так прозвали Петрушу Колесникова, – садился за руль по дороге обратно.

Без водки и закуски рыбалка бывала ничуть не хуже. Но если есть что ловить, как в прошлые годы. Сегодня же клевала мелюзга, на блесну хватал окунь, щука, но редко и небольшая. Пара рюмок под стрекот кузнечиков, сваренная на костре уха – простые радости жизни скрашивали как скудный улов, так и невезение с погодой, а с капризами климата тоже приходилось считаться.

Петя Колесников, парень неглупый, но расхлябанный, уже успевший вылететь с бюджетного отделения экономического факультета, не извиняясь за опоздание, стал еще и жаловаться. Удочки и спиннинги пропали, кто-то из домашних засунул снасти непонятно куда. Перерыть пришлось и сарай, и чердак, но всё так и пропало. Петруша принес только блесны, да и те старенькие, допотопные.

– Взял я всё для тебя, не переживай, – без обиды сказал Николай Степаныч. – Ну что, рыбаки, поехали? Дружок!

Пес вскочил в открытый багажник и, едва умещаясь среди вещей хозяина, как по команде затих.

На ходу, под настроение, изменились и планы. Ехать решено было не к озеру, как намечали, а на речку. Вода в Уче оставалась ледяной даже летом, не окунешься. Зато рукой подать, езды на двадцать минут, не больше. Погода выдалась ясная, теплая, день стоял воскресный, и на обратном пути пробок было не избежать, Старое Ярославское шоссе в такие дни запружено дачниками. К тому же на днях сосед по улице поймал в Уче всё же увесистую щуку. Сосед мог и пошутить, крупной рыбы с Учи давно никто не приносил. Но уличить болтуна в бахвальстве можно было одним-единственным способом – поехать да порыбачить...

Дорогой говорили о женщинах. С Николаем Степанычем, отставным полковником, всегда почему-то приходилось говорить об одном и том же. Овдовев, он жил один с уже повзрослевшей дочерью. И жил невесело. Девочка была инвалидом. Аутистом, не то дауном она и родилась, а в семью попала из детдома. Впрочем – вдовец да не совсем, как поговаривали. Бывшего полковника частенько видели с женщиной лет на двадцать моложе его.

– С женским полом, полковник, это такое дело... Никогда ничего не поймешь. По усам текло, а в рот не попало... – развязно гордил Петруша Колесо, развалившись на сиденье справа от Николая Степаныча.

Николай Степаныч нехотя переспрашивал:

– Объяснил бы неучам... Это как так?

– Да так... Сегодня есть, а завтра нет... С одной вроде ничего, да всё не то. А с другой всё то, да...

– Да вообще ничего, – дружелюбно поддел Николай Степаныч.

Студент на заднем сиденье, тоже в черных очках, в разговор не вмешивался, но ухмылялся каждой реплике друга.

– Болтун ты, каких свет не видывал, – сказал Николай Степаныч. – У тебя же девушка была?

– Не у меня, а у него, – Петруша Колесо повел головой на друга за спиной. – Я в них вообще разочаровался.

– В ком?

– В бабах.

– Ты?!

– Ну а как? Они же все, типа это... Я красивых предпочитаю, а не смазливых. А красивые, они...

Ну типа не первой свежести, загуленные.

Николай Степаныч качал головой.

– Если так хорошо разбираешься, привел бы хоть одну, показал бы, – сказал он.

– Вам?

Полковник смерил собеседника непонятым взглядом.

– Ну и приведу... Верусю, директрисину дочку... Из школы, Павлову, знаете? Могу и ее, – уже без шуток обещал Колесников Петр. – Сладите... Наши вон втроем на речке... Ну там, где беседка и кабины, знаете?

– И чего втроем? – не понимал собеседник.

– Отделали, и ничего.

– Ты-то откуда знаешь? – Николай Степаныч с досадой мотал головой. – Третьим был, что ли?

– А может и был. Да не я, а он. – Студент развернулся к своему другу.

Но тот продолжал ухмыляться. Сказанного, впрочем, тоже не оспаривал.

Главное Петруша Колесо всё же утаивал. Дочь Николая Степаныча Анну, девочку с ограниченными возможностями, вдвоем с другом они не просто обхаживали, не просто билеты в кино ей дарили, – так думал Николай Степаныч, – а в обмен кое-чем себя уже отблагодарили, и на этот раз не друг, а он, Петруша.

Близости с девушкой Петруша так и не добился. Но надежды не оставил. Да и друзей обещал не обделить. Друзей же – орава. Веселуша слыл среди всех самым совестливым.

– Запросто так и приведешь? – спросил полковник, всё еще в чем-то сомневаясь.

– Запросто. Просто так.

– Ну веди тогда, ладно.

Собеседники обменялись взглядами. И обоим стало ясно, что время прежних простых отношений закончилось. Полковник, видимо, постарел. Молодой человек повзрослел. Всю оставшуюся дорогу молчали.

К Уче, местной речке, выезжали по раскатанным проселкам сплошь в ямах и лужах. Луг в стороне зажелтел от камышей. Слева же тянулся свежий забор выше роста. Еще пару недель назад ограждений не было. Кто-то строился и начинал, как водится, с забора...

Николай Степаныч уверенно проехал через заросли, отделявшие дачи от лугов и речки, и через рытвины с водой, проложенные грохочущими досками, вывернул на берег. На поляне, поближе к иве, сникшей над заводью, остановились.

Пес первым выбрался в высокую траву. За ним студенты. Прежде чем вынимать вещи из багажника, парни закурили.

– Ну и ну... Мать родная, умереть не страшно, – шурился по сторонам Николай Степаныч.

– Вы про что?

– Смотри! – полковник показал взглядом на лес, подступавший к реке за оградами и домами. – Красиво, что скажешь?

– Вам бы стихи писать. Премию бы дали, – съязвил Петруша. – Когда сравнивать не с чем...

Полковник будто бы соглашался:

– Ты прав, не с чем. На островах Канарских не бывал, и тьфу на них... Спиннинг – мой, блесны – твои. Вот тебе... Хоть и китайский, а «шимано», не ухайдакай.

Втроем принялись разбирать рыболовное снаряжение. Николай Степаныч сразу же пошел обследовать берег, хотел проверить пригодность знакомых мест. Собака, семеня следом, весело завиляла хвостом.

Студенты развели костер, натаскали веток и опять дружно курили. Петруша Колесо не переставал деловито отвечать по своему айфону. Звонили то родители, то девушки, то друг. Всеволод подвесил над огнем котелок, налил в него из бутылки воды и вскоре смог заварить черный чай. И всё это время, обсуждая что-то свое, парни оглашали громким хохотом и поляну, и весь берег речки.

– Рыбу распугаете, хорош галдеть, – появился у костра Николай Степаныч. – Я вон туда пойду. А вы... да левее попробуйте. Места хватит. Там мужик один всё на блесну окуней цепляет. А потом перекусим, окей?

Пес стелился у ног хозяина, от нетерпения опять поскуливал. С улова мелкой рыбешки, если уж ставили удочки, перепадало и на его долю. Впрочем, сегодня пользоваться собирались только спиннингами. Слухи о пойманной на днях щуке настраивали на необычно оптимистичный лад.

Напялив сапоги, чаевничать решив позднее, Николай Степаныч упелся с собакой к камышам. Друзья студенты некоторое время оставались у костра, опять что-то рассказывали друг другу, отмахивались от мошкары. И смех всё так же был слышен далеко от костра. А затем и они побрели по тропе, но левее, как и советовал полковник, к указанному месту с мостками...

Клева не было. Он вроде бы и не начинался. Но на глуповатую цветастую рупполю вытащили одного шученка, – повезло второму, Веселуше. И больше ни окуней, ни судачков, на которых Николай Степаныч тоже немного рассчитывал. Но и жалеть было не о чем. Летний день, в предвечерье не такой уже душный, медленно угасал, на глазах менял краски. Вокруг стрекотало. Кряканье лягушек постепенно сливалось в оголтелую завораживающую какофонию.

Щученка должно было хватить на уху. Готовили втроем. Полковник возился с алюминиевым котелком. Веселуша чистил картошку и лук. Напарник отправился на поиски дров покрупнее. И когда солнце перестало слепить, а уха вместе с костром задымилась и запахла перцем, полковник отмерил себе первую рюмку. Смерив взглядом студентов, он осушил стопку и с облегчением потрепал Дружка за уши.

Студентам тоже досталось по рюмке. Пить они не умели, морщились и закусывали как от отравы. От новой рюмки Веселуша отказался, хотя и от первой уже заметно повеселел. Друг же, несмотря на договоренность, что он сядет за руль на обратном пути, согласился чокнуться еще раз, но стопарик отставил, чего-то выжидал.

– Есть-то ее можно, рыбешку эту? – спросил Петруша. – Я слышал все назад, в воду выбрасывают.

– Не знаю... Сколь ты ее съешь, той рыбы? – ответил полковник. – После химзавода, там, где слив начинается, лучше конечно не брать. А здесь...

И студент принялся прихлебывать варево из своей миски, не переставая коситься на айфон, отложенный в траву, который то и дело издавал звуки, будто притаившаяся тварь.

Говорили опять о всякой всячине. О девушках, о разбогатевших местных соседях, разрешавших отпрыскам гонять на джипах по местным дорогам без прав. Кое с кем из них Петруша даже водился. Да и у самого родители слыли не последними дачниками, если судить по доходам на душу. Затем разговор зашел о «даунах», недоразвитых детях из местной школы. Скользкую тему развивал Петруша, умевший вплетать в разговоры что-то свое, хитроумное, отчего и посмеивался теперь, хватая себя за колени, только он один.

Однако на этот раз он, видимо, переборщил. Полковник, словно чувствуя, что тема каким-то образом касается его дочери, девочки умственно отсталой, но очень любимой им, наверное даже больше, чем если бы она была как и все, нормальным ребенком, – полковник теперь задумчиво отмалчивался, подливал себе водки и прихлебывал уху без аппетита.

– В общем, психов, уродов развелось, – продолжал свое Петруша Колесников. – Врач у нас по собакам работает... ну типа ветеринар... Говорит, что собак понимает лучше чем людей.

– А ты?

– Что я?

– Ты кого лучше понимаешь?

– Да я ж не о том... Вот вы опять. Дураков стало много, типа это, ненормальных. Да все говорят.

– И чего так много их стало? С чего это?

– Народ такой, чево-чево... Вырождается.

– Это кто тебе такое сказал? – Полковник даже отложил ложку.

Веселуша глазел в костер, вдаль, за реку и помалкивал. Он-то знал, какие подвиги вменяют себе в заслугу парни из компании Петруши. Директрисина дочь – самая безобидная из всех их проделок. Та хоть сама с парнями путалась. А отсталого мальчика – «дауна», или его просто так обзывали – решили подучить целоваться с «нецелованной» девочкой из его же класса. История докатилась до родителей. Началось разбирательство. Но компания не угомонилась. Эксперимент вскоре был возобновлен, с еще большим азартом. Теперь пытались «скрестить» такого же паренька, постарше, из школы-интерната для умственно отсталых, с дочерью как раз Николая Степаныча, – где-нибудь на речке, как всегда, в той же беседке, чтобы посмотреть, чем всё закончится. Зачинщиком был Петруша Колесо. «Любовь с лапшой по-даунски!» – такое кодовое название придумал пакостному проекту кто-то из компании.

– Хорош тебе... про любовь с лапшой, – намеком попытался удержать друга Веселуша.

Петруша намек понял, но не унимался:

– У вас там в армии, когда вы служили, по-другому, что ль, было?

– Было и так. Было и по-другому.

- Дураков не было, а, полковник?
- Были... Но не такие, как ты. Другие. Рассказать?
- Расскажите! Ой, щас умрем...

Веселуша косился на друга с еще большей опаской, чувствуя, что тот перешел границу, но еще не совсем понимая, куда он клонит.

– Точно умрешь... – Николай Степаныч выпил еще стопку и действительно стал рассказывать: – Был у меня салабон один. Служил в части... Парень как парень. Но малахольный немного, чудаковатый. Мои дембеля над ним издевались, над салабоном. А у него, понимаешь ли, беда какая-то случилась с гениталиями. То ли подрезали. То ли сами куда-то втянулись. Главное есть, а остального нет. Кто его в армию с таким огурцом отправил, поди ищи виноватых...

- Это когда было-то? Типа в Советском Союзе, что ли?

– Да не типа, а потом уже, – осадил полковник студента и продолжал: – Так вот мои обнаружили недостачу. Подсмотрели где-то, в бане может быть, и давай... Пусть, мол, все полюбятся. Огурец, мол, есть, а остального нет. Замучили паренька.

Полковник осекся. Студенты, сбитые с толку, ждали развязки.

– Ну а потом я тех замучил, которые его мучили, – угрожающе продолжал полковник. – Парень то мой, салабон, решил всем назло вообще избавиться от огурца своего. Но мужества не хватило просто взять да избавиться, отрезать. Так он перевязал бечевкой, пусть, мол, само отвалится. Понятно, что ничего не отвалилось. А в санчасть отправили. Оттуда в госпиталь. Заражение крови. По полной... Парнишку спасли. Но без огурца уже. А вот этих... Вот этих скотов я упек.

- Куда упекли?

– Ты, Петруша, вообще ничего не понимаешь... Под суд отдал, под трибунал упек их. По сей день, думаю, трубят в местах не столь отдаленных. Вот так... И меня вспоминают. Полковник Колян! Я им дам Коляна, сукины дети... К людям так не относятся. А то как с вами получается... Вроде друзья.

А как бы по несчастью, пока есть зачем дружить... – Полковник недружелюбно уставился вдаль. – Не любите вы правду про себя слышать. А поэтому и друг друга не любите.

Какое-то время молчали. В траве пригорюнившийся пес опять стал поскуливать. Хозяин смерил его недовольным взглядом. И пес затих. Звуки издавал и айфон Петруши, и тоже из травы..

– Чувств настоящих не знаете, вот и вся азбука. Таких, которые... смысл дают всему. Гаденыши ваши, гаджеты, повысосали у вас всё из мозгов... Смысл есть и в твоей рыбалке. И в твоих дурочках, которые тебе звонят каждые пять минут... – Николай Степаныч даже показал куда-то за речку. – А у тебя одна развлекуха на уме. Тебе лишь бы потусить...

- Да откуда вы знаете, кто мне звонит? – пробасил Петруша Колесо.

– Петруш, ты всю жизнь, сколько знаю тебя и твоих родителей... дурнем ты был, уж не взыщи. Умный человек, трезво мыслящий, да не станет он в эти айфоны, айпады пялиться с утра до вечера.

- Зря вы это, – пробурчал Всеволод. – Зачем оскорблять? Вы рассуждаете, как старый...

- Дурак, – договорил за парня полковник.

- Да нет, я не хотел так сказать...

– А как ты хотел? Как его не оскорблять? Его что, щекотать надо? Чтоб ему приятно было... Да он ничего не понимает, друг твой. Ты вон на родителей его посмотри. Вырастили себе на шею...

То, что должно было произойти, произошло. Перессорились. Николай Степаныч налил себе хорошую дозу водки, выпил, но закусывать не торопился.

– Да пошли вы! – Петруша воткнул в рот сигарету, прикурил ее и стал демонстративно тыкать пальцем в дисплей своего телефона.

– Пойду-ка освежусь, – примирительно сказал Николай Степаныч.

– Пойди, пойди, – Петруша перешел на «ты», и это звучало неожиданно. – Не утони только. А то некому станет мозги нам выносить.

– Да ты и сам кому угодно вынесешь мозги.

– Иди-иди...

– Сплываем к мосту, Веселуш? – миролюбиво предложил другому Николай Степаныч.

– Да здесь вода, как в роднике. Никто же не купается.

– Зато дурь вся проходит сразу.

– Не могу я в такой воде купаться, вы что!

– Эх... Мы в ваши годы во-он туда плавали, до моста и обратно.

– Да ла-адно, – не поверил Веселуша.

– А что, думаешь нет?.. Ну и дураки, в самом деле, – нетрезвым тоном добавил Николай Степаныч.

– Сам дурак, – сгрубил Петруша.

Полковник разделся. Оставшись в плавках, отмахиваясь от мошкары, телом крепкий, коренастый, он направился к воде. Собака за ним. Разбежавшись, он с криком прыгнул в воду и, кряхтя, издавая стоны, громко разносившиеся над речкой, и вправду поплыл в сторону моста...

Прошло минут двадцать. Всеволод недовольно поглядывал в сторону речки.

– В такой воде и пяти минут не просидишь, – заметил он.

Другой не реагировал.

– Слышь, Колесо? Что-то нет его... Сходим, может?

– Да выплывет, не переживай. Захотел – пусть плавает.

Веселуша смирился, закурил, но продолжал беспокойно поглядывать в сторону моста.

– Дружок! – позвал он собаку. – Дружок!

И пес действительно появился на тропе. Подбежав, Дружок, скуля, закружил вокруг костра и похоже тоже не находил себе места. В следующий миг пес унесся по тропе обратно, туда, откуда прибежал и где, по-видимому, собирался выбраться на берег хозяин.

– Слышь, я пойду... – Веселуша встал и выбросил окурочек в костер. – Посмотрю, чего он там. Может, вылез уже...

– Иди-иди... Утонул, небось, алкаш. Всем назло.

Тело полковника выудили из-под моста баграми уже в сумерки. На беготню у речки и чтобы поглядеть на скопление транспорта сбежалось полпоселка зевак. По бездорожью, к самому берегу выруливали уже которая машина полиции. Откуда-то прибыл даже наряд МЧС, кем и зачем вызванный – никто толком не понимал.

С прицепа на колесах на воду была спущена лодка. Двое мужчин в ярких, флуоресцентно-желтых жилетах, какие носят не спасатели, а дорожные строители, на глазах у всех обследовали замусоренные берега и заводи.

И когда через час с небольшим посинелый труп вытащили к камышам, собравшиеся дружно столпились рядом, но глаза все отводили в сторону. На лицах у людей запечатлелось немое горе.

Полковника знали. Дурного слова никто не мог сказать о человеке. А хорошие слова произносить было поздно. Студенты-рыбаки, вызвавшие спасателей, на глазах у которых фактически всё и случилось, с собакой утопленника топтались в сторонке у машин.

Пес поджал хвост. Уши его обвисли. Студенты не переставая курили, оба глазели в свои телефоны, а если и приковывали к себе взгляды, то только потому, что один из пареньков, худощавый, иногда всхлипывал. Другой же, злой на всех, не только на раскисшего друга, но и будто бы даже на утопленника, главного виновника всех неприятностей, отплеывался окурками.

* * *

Старый деревенский храм в Учиновке, что разрослась под боком у Клязьмы, будто внезапно окрепшее деревце, долго и незаметно прозябавшее в сени многолетнего и могучего сородича, восстанавливали уже лет десять. Кирпича навезли с запасом. И восстанавливать и расширять в пору было теперь не только старые церковные стены. Отстроить можно было и целое подворье.

Однако строителей не удавалось нанять толковых и стоворчивых. Да и средств на серьезный сдвиг в работах, сколько бы их не собиралось с мира по нитке, так и не накапливалось достаточно. А прежде чем приводить в порядок стены, расширять пределы, на что вроде бы размахнулись, когда всё еще только начиналось, необходимо было укрепить фундамент. Дорывать предстояло и начатый котлован, затем возводить все отмостки, заливать всё бетоном.

Возможно, и сам настоятель, о. Михаил (Тарутин), в молодости архитектор, действительно транжирил казну не по назначению. Так поговаривали. И не просто раздавал деньги нуждающимся, как только казна пополнялась, а нуждающихся было хоть отбавляй, но и себя не забывал, пропивал немало. О неожиданном пристрастии бабюшки к выпивке тоже ходили упорные слухи. С тех самых пор как и он три года назад овдовел, на службе он стал появляться покачиваясь. Однако обид на него никто не держал. Дело свое он знал, и его любили, но как любят больных, слабых и добрых.

Вопросы вероисповедания, прежде бабюшкой охотно затрагиваемые, прилюдно больше не обсуждались. Траур заживал в нем долго, мучительно. Наверное даже отдалял его от веры, как бывает с некоторыми людьми. Но и сам он понимал, что верит теперь не так, как годы назад ребенком, – уже не раз он признавался старосте за рюмкой, – не так, как в те далекие шестидесятые, когда всем нормальным людям хотелось просто жить да не тужить, преумножать имущество и потомство, а его волею судьбы потянуло совсем к другому – к свечам у алтаря, к старым образам, к жизни поблизости с этим миром, тогда еще непонятным, далеким.

Позднее, когда мир этот принял его как своего и уже не отпускал от себя, вера словно отрикошетила, угасла, укрылась в душе от глаз подальше, и словно дожидалась от него, ее обладателя, каких-то реальных взносов и реальных поступков. Ну вот ты всё заполучил, что хотел, и что же?..

О. Михаил роптал бывало на рутину, на унылое однообразие церковной жизни, и иногда это звучало даже кощунственно. Он уверял, что вере нужен и подвиг, и праздник, да не просто формальный, каждодневный. Некоторым он даже объяснял, что вера в Бога не может быть унылой, ежесекундной. «Вера вспыхивает в душе и гаснет. Вспыхивает и гаснет. А поэтому блаженны те, с кем это происходит постоянно, без перерыва. Не могут же все свечи у алтаря погаснуть одновременно. Даже чисто математически допустить такое невозможно. Такого Бог никогда бы не допустил...»

Прихожане преклонного возраста давно не обращали на нравоучения внимания. Сами уже умели вправить мозги кому угодно. Другие, кто помоложе, делали свои выводы. Бабюшка боролся за веру как умел, радел за свой приход, за свою душу, за спасение собственное и окружающих. И делал это искренне, в меру своих способностей. В жизни он был человеком порядочным, теплым. Выпивал же не так часто, на него больше наговаривали...

Осенью, уже после сентябрьских пестрых служб, с визитом в Учиновку нагрянул Кураедов с женой и другом. Компания въехала во двор на черном джипе. На вид все обеспеченные, не церковные. В церковном дворе это особенно бросалось в глаза.

Гости отстояли вечернюю службу, и к ужину, когда батюшка позвал всех на чай в трапезную, Кураедов принес из машины бутылку вина, русского, крымского, дорогого, с номерной этикеткой, да еще и коньяку, что к вечеру вышло, конечно, кстати.

Сын известного психиатра, да и сам вроде бы не последнего ранга невролог, Кураедов был знаком с о. Михаилом с юности. Семью свою, жену и двух дочерей, еще девочек, он привозил в храм по праздникам. Иногда делал небольшие денежные подношения на приход. На дружбу же не навязывался. Но общих знакомых было немало и с годами всё больше и больше, церковное общение сказывалось. Поговорить за столом всегда было о чем.

Вот и в этот вечер говорили об общем друге юности, который из светского театрального художника подался в иконописцы и уже писал настоящие иконы: расписывал своды храмов где-то в провинции к северу от Москвы. Обсуждали стройку, которая вроде бы сдвинулась с мертвой точки. Говорили и о молодом человеке, новичке в приходе, которого о. Михаил недавно направил к Кураедову на консультацию.

Молодой прихожанин батюшке казался не совсем адекватным. Парню хотелось чем-то помочь, жил он с теткой, без родителей. Просьба настоятеля выглядела не совсем обычной. Много ли среди церковного люда людей адекватных в обычном понимании этого слова? Но Кураедов отнесся к поручению с ответственностью, чем всегда в общем-то отличался.

– Да всё у него в порядке. Нормальный парень. Кстати довольно продвинутый и симпатичный. Мне он понравился, – объяснял Кураедов за столом. – Ясная голова, уравновешенный. Скромноват чересчур. А вот тут...

Радетельный батюшка вопросительно развел руками:

– Но... не плохо же это?

– Да нет, конечно.

– Здоров, значит? – переспросил настоятель.

– Как вы и я... Я еще и своих попросил. Есть у меня опытный психиатр-терапевт. Мы о парне долго говорили. Так что не волнуйтесь, у него всё в порядке, – заверил Кураедов. – Я, кстати, его нанял уроки давать моим девчущкам. В информатике ну совсем ничего не понимают, а липнут весь день к экранам. А он, ну просто гик какой-то...

Дело же было в том, что в сентябре, с начала месяца этот самый молодой человек, которого о. Михаил раньше у себя не замечал, зарядил на исповедь, и чуть ли не каждые три дня вновь возвращался исповедоваться. О. Михаил знал мать парня. На службах она давно не появлялась. По слухам увлеклась кем-то, уехала за границу. Ну а мальчик остался вроде бы один, жил с родственницей. И вот в сентябре, когда лицо парня примелькалось и стало ясно, что в храме он не просто отирается, о. Михаил вспомнил, что, исповедуясь, мальчик всегда говорил об одних и тех же проступках своих, о которых он, исповедующий священник, едва услышав, по привычке мгновенно забывал, но тем не менее что-то запало и в него.

Мальчик утверждал, что убил человека. Убил, мол, не прямо, а косвенно. Казалось очевидным, что он наговаривает на себя. Как можно убить человека косвенно? Больше того, жениться собирался на слабоумной. И не по любви, а потому что наобещал. Ну и всё в том же духе. В какой-то момент о. Михаилу показалось, что мало паренька просто исповедовать. Хотелось еще и образумить его, помочь чем-то конкретным, ведь за этим он и ходил, просто не мог прямо об этом попросить. К исповеди нередко прибегают именно для того, чтобы поговорить, попросить о возможном и невозможном.

Грех исповеданный – уже не грех, или не совсем грех. Так думал и сам о. Михаил, когда слышал от парня его истории. Хотя и не решался именно на этом настаивать, понимая, что ситуация вряд ли простая, что мальчик говорит искренне, а возможно, попросту не созрел

еще, не до конца раскаялся в чем-то, или не знал, как это сделать. Поэтому и искал помощи, поэтому и повторялся. Так бывает с людьми искренними, но неопытными. Как вмешиваться в творящееся на душе у человека, не докопавшись до сути? В данном случае это было почти невозможно.

В конце концов, когда парнишку привели к нему устраивать на работу при храме, но непонятно на какую именно, то ли бетон месить, то ли доски пилить, то ли просто путаться в ногах у строителей, как случалось до него с другими, о. Михаил понял, что не должен отмахиваться. И он вызвал парня на откровенный разговор.

– Ты студент?

– Студент.

– А чему учишься?

Парень уронил глаза в пол.

– Или доски интереснее пилить с нашими, – Настоятель глазами показал во двор.

– Нет.

– Что нет?

– Не интересней... Но здесь... Мне при храме хочется что-то делать.

О. Михаил развел руками, нахмурился.

– Ну это хорошо. Но всё в меру хорошо. Ты ж не монах... Или уж давай тогда, разберись с собой. Предложи себя куда-нибудь. В трудники, в послушники.

– Предлагал уже.

– Где?

– В Печерский монастырь поехал... Да и здесь под Москвой... В Новом Иерусалиме.

– А что там, в Новом Иерусалиме?

– Работы велись. Нужны вроде трудники.

– И что?

– Не берут. Говорят, не гожусь, не подхожу... Или ничего не говорят.

О. Михаил вздохнул и проворчал:

– Ну а меня не мог попросить? Я бы сказал, к кому поехать.

Паренек кивнул и на вопрос не ответил.

– А у тебя другое мнение? – спросил батюшка. – Не согласен с отказом?

Всеволод мотнул головой.

В тот же вечер о. Михаил позвонил Кураедову, попросил принять мальчика в клинике, поговорить с ним или показать еще кому-нибудь, уж как получится. Необходимо было разобраться, всё ли с мальчиком слава богу...

* * *

В ноябре, с первыми ночными морозами бетонные работы пришлось на ходу сворачивать. Но рабочих распускать было рано, своего еще не отработали. И настоятель не сразу, но всё же одобрил идею старосты перевести бригаду на плотницкие работы, – а вдруг еще потеплеет. В этом случае еще на неделю удалось бы продлить кладку кирпича. Да и кровлю к зиме лучше было хоть как-то залатать. Снег ляжет, потечет во все щели.

Хозблок, возводимый из бруса, тоже пора было запускать в работу. Работающие трапезничали где придется. Да и самим тесниться в подсобных помещениях, передвигая скамейки, давно надоело. Заодно Лука, плотник, нанятый просто так, чтобы найти пристанище и ему, обещал сколотить пару гробов из приличного дерева. Среди прихожан немало было таких, у кого на приличные гробы, когда жизнь припекала, средств не находилось.

Гробовых дел мастер – одно название чего стоило. Таких специалистов настоятель держать у себя не хотел. Для неимущих существовали и государственные льготы. Но в этот раз и настоятель махнул на всё рукой. Главное, чтобы люди оставались при деле и чтобы дело было не пустое.

При столяре юлил и паренек, имя которого о. Михаил постоянно забывал. О. Михаил видел паренька по утрам с рабочими. На исповеди мальчик продолжал, как ненормальный, наговаривать на себя. Появление его в левом пределе храма, где по обыкновению исповедовали, о. Михаил воспринимал без радения. Спутался с работягами, вместо того чтобы заниматься делом, учиться.

Тетка, с которой парень жил, – а ее привела на собеседование жена старосты, знавшая родственников молодого человека, – уверяла, что племянник отбил от рук, но как-то не так, как это происходит с другими. Мальчика, мол, как подменили, он стал другим, вроде бы самостоятельным, а вместе с тем совсем-совсем неуправляемым. Непонятный «пунктик» подмечала в парне не только тетка. Так ей чудилось.

Не может же молодой человек не иметь своих интересов. У всех нормальных людей всё, как у людей, а у нас... Ведь ему нет и двадцати. Собственные стремления, желания, удовольствия есть у каждого, а тут... Не нравилось тетке аномальное стремление племянника «исправиться», стать лучше, его старания из кожи вон угодить.

С какой стати? Лучше бы со сверстниками общался, с девушками гулял. Словом, и дома, в семейной обстановке происходило всё то же самое. Дома паренька принимали за психа.

О. Михаил просил старосту и бригадира, верховодившего среди рабочих, впредь не давать пареньку грязной работы, не держать его весь рабочий день, побыстрее выпроваживать домой, просил не давать ему оставаться в столярной допоздна, к тому же строгаги теперь не стропила под крышу, а самые обыкновенные гробы. Зачем это молодому человеку?

Настоятель просил больше не звать паренька на обед в трапезную. Пусть, мол, домой идет к тетушке, там кормят ничуть не хуже.

* * *

Том Макгрэг, в прошлом футболист из Дублина, после давней травмы так и оставленный при родном клубе, но уже в тренерском составе, большую часть жизни своей служил любимому делу и много лет прожил в одном и том же месте, в окрестностях Балтингласса южнее Дублина. И вот случилось, что в сорок лет с небольшим, с русской женой отправившись на Рождество в Москву, бывший футболист открывал для себя совсем новую действительность, да еще и русскую. Сказать кому – не поверят.

В скромном, но добротно отстроенном подмосковном доме, который находился в прилегающей к Клязьме Учиновке, жила жена сестра. С ней вместе жил сын жены от первого брака. Взрослый парень, студент, на весь день уезжал в город на занятия. Сестра на время побывки переехала в город.

Стояли морозы. Зима была снежной. Русская жизнь текла медленно и словно буксовала, как черные громоздкие джипы на боковых, плохо убираемых дорогах. Ранние сумерки, стойкий мороз, руки от которого клеились к дверным ручкам, добродушные соседи, выгуливающие собак, вокруг лесная тишь, пахучая холодом будничность севера – всё это располагало к домашнему уюту, к печке-камину, к вечерней выпивке перед телевизором, с экрана которого в жизнь вторгались уже совсем невероятные вещи.

В России всё казалось вверх ногами. Но все как-то умудрялись жить нормальной жизнью. Интересно, что русские думают об Ирландии, о Дублине?

По вечерам Том даже запрещал себе разговаривать, чтобы дать себе возможность переварить увиденное за день, настолько новый опыт жизни не лез ни в какие ворота.

Но поражало еще кое-что: странная, почти физически ощущаемая родственность, которую Макгрэг не мог не испытывать не только к жене, человеку уже родному, но и к сыну ее, к русской родне, к соседям. И этому не было объяснения. Что общего может быть между кельтом в тридесATOMом колене и славянами? Всеволод, женин сын, где-то еще и откопал сведения, из-за которых и разговоров было много и смеха, согласно которым фамилия «МакГрегор» является коренной, славянской и будто бы известна на Руси со времен древнего Чернигова и старых русских «реестров».

Жена Марина – Аквамариной ее называл один Том из-за ее голубоватых глаз – чувствовала себя перед сыном виноватой. Мальчика, мол, бросила, променяла и уехала жить себе в удовольствие. Тоже будучи разведенным, детей своих, двоих мальчиков-близнецов, вынужденный оставить на воспитание жене, жившей в Дублине, Том прекрасно вроде бы понимал, что творится у жены на душе, и никогда не ставил ей в упрек противоречивых чувств, хотя и не мог не видеть, как от этого страдают их отношения.

Аквамарина отказывалась признать очевидное: самостоятельность сыну пошла на пользу. Всеволод умел делать всё, сам гладил, сам готовил. Парень умел выражать свои мысли и просто помолчать, чему человек учится сам, но должен обладать для этого определенным природным даром, как Том считал. Только это позволяет ясно и трезво оценивать свое место среди других людей и никогда не терять обратную связь, что вообще довольно редкое качество, свидетельствующее не только об уравновешенности человека, но и о его внутренней зрелости. Чувство такта сродни чувству меры. А это всегда что-то врожденное.

По вечерам играли в шахматы. Том проигрывал. Всеволод по-английски оправдывался за свое нежелание подыгрывать ему, объяснял, что игра потеряла бы всякий смысл, и силился научить гостя просчитывать не на один ход вперед и не на два, а хотя бы на три-четыре, без чего шахматы смысла будто бы не имели вообще, доказывал он свое. Суть игры не в стратегии, как считают, а в умении просчитывать комбинации. В умении угадывать некую схему противостояния, содержащую в себе логику чисел, чуть ли не цифровую. И это конечно же невозможно без элементарных навыков, без знания шахматной теории. Так же трудно было бы играть на фортепьяно, не зная нот... А вот это уже сомнительно. Так думал Том, но мнения не оспаривал.

Иногда вместе отправлялись на прогулку к речке вдоль ее заснеженных покатых берегов. Вечерами Всеволод занимался хозяйством, чистил снег, носил дрова и всегда с запасом. Растопив камин, он копался в своих книгах с каракулями математических формул, или опять помогал матери, но так, будто был на послушании, всегда старался сделать всё именно так, как просили, и по возможности больше, чем просили. На ужин Аквамарины готовила отличные стейки, мясо покупая в местной лавке, реже русские блюда. Всеволод мяса старался не есть.

Однажды вечером Всеволод сводил мать с мужем в местную церковь, где его знали, и даже познакомил иностранного гостя с настоятелем, настоящим бородатым «попом». С парнем настоятель тоже вроде бы был накоротке и неплохо к нему относился.

Русский «поп» рад был и Аквамарины, не скрывал этого, о чем-то долго разговаривал с ней в стороне. При прощании батюшка похлопал Всеволода по плечу, а Тому, иностранцу, по-светски протянул руку и по-английски произнес:

– Добро пожаловать! Не забывайте нас...

Аквамарина жаловалась, что не может перебороть в себе какого-то барьера в отношениях, не может не испытывать к сыну эгоистичных собственнических чувств. Она любила сына как мать, больше всех и считала это вредным, несправедливым. Хотя бы в отношении Тома. Так, мол, и проявляется похотливая природа человека, а сводится изъян будто бы к тому, что свое, кровное человек ценит и любит больше чем не свое. Новых идей Аквамарины набралась

из беседы с местным батюшкой. И непонятно, чего тот добивался, в чем собирался ее образумить.

За два года ее отсутствия сын якобы изменился до неузнаваемости. Только теперь она, Аквамарины, понимала, что имела в виду сестра ее, которая жила с Всеволодом в ее отсутствие. Мальчик не стал хуже, вовсе нет, даже напротив – стал добрее, внимательнее. Но сын казался ей сегодня аномально замкнутым, как будто в жизни его произошло что-то необратимо дурное, негативное, чем даже поделиться невозможно. Влюбился и сразу набил себе шишек? Строил себе иллюзии насчет мира взрослых? Не того ожидал от этого мира, как это случается в переходном возрасте? Хотя и возраст у него уже был не тот, что называют переходным.

Первое, в чем Том старался жену разубедить, – Всеволод не был «мальчиком». Судя по всему неплохой отец и для своих детей, Том уверял Аквамарины, что она понапрасну переживает. Всеволод казался ему абсолютно нормальным, умным парнем, да еще и добрым, оригинальным. Просто не определился, еще не нашел себя. А если принять во внимание весь тот бедлам, его окружавший, от которого жизнь его не становилась проще, и что бы там не показывали на праздники русскому обывателю по телевидению, то нужно было просто набраться терпения или даже проявлять некоторое здоровое равнодушие к второстепенным вещам.

«А у нас что, лучше?» – напоминал Том о Дублине, о дрязгах между родственниками, свидетельницей которых Аквамарины тоже уже довелось побывать. – «Встать на ноги сегодня везде трудно. Мир сошел с ума. Нет больше правил никаких. И очень мало добра. Сегодня и слово это все понимают по-разному...»

На русский Новый год Всеволод привел домой юную гостью, дочь соседей, как понял Том. Парень не то ухаживал за девушкой, не то просто опекал ее. И эта домашняя встреча стала для Тома самым сильным впечатлением от всей поездки в Москву. Хотя сам он не смог бы объяснить с ясностью, почему так произошло.

Девушка оказалась аутисткой. Однако глаза ее, сама манера держаться, смотреть на других, на мир, ее окружавший, – всё в ней поражало добротой, чистотой. Больной человек иногда приносит много сведений о мире, в котором живет, о своей стране. Именно это и видел в девушке Том. Он попытался с ней заговорить. Но та отвечала на всё, улыбаясь: «Yes, yes...». И переводила выжидающий взгляд на Всеволода. Всеволод уверял Тома, что девушка по-английски понимает всё, и Том нарочно спрашивал ее о чем-нибудь, чтобы в этом убедиться. Реакции девушки были необычными. Она отвечала тем же: «Yes, yes...»

Аквамарины, уже наслышанная об этой загадочной стороне жизни сына, да и подозревавшая какую-то взаимосвязь между его отношением к девушке и переменами, которые в нем все замечали, испытывала непонятную неловкость и даже прямо-таки мамашин испуг. Том не мог этого не видеть.

Труднее всего было, конечно, поверить всерьез, представить это себе, что парень привязался к умственно отсталой как к девушке. В этом было бы что-то противоестественное. В то же время при виде их вместе, Всеволода и умственно отсталой подружки, которые чем-то напоминали действительно детей, увлеченных игрой, при виде того, с какой с восторженной снисходительностью Всеволод принимал эту игру как есть, с правилами и без правил, поскольку девушка явно не могла ему быть ровней, казалось очевидным, что по-другому и быть не может. На них можно было засмотреться. Всё это вместе не вязалось ни с каким обыкновенным естественным чувством, известным Тому в его сорок с лишним лет.

Русские были другими. В Аквамарины Том подмечал эту разницу редко. В чем заключается отличие, Том не мог понять. То ли жена пыталась адаптироваться к нему, к новой для себя жизни, и делала это с удивительным упорством, с какой-то самоотверженной верой в их отношения, в их узы. То ли это было изначальной стороной всё того же поразительного чувства, граничившего с полнейшим и совершенно естественным самоотречением, которое бросалось в глаза и в ее сыне и как будто бы вообще было свойственно всем русским людям?

В феврале, когда Всеволод по настоянию матери, хотя и без особого желания, как она признавалась, навестил их в Балтинглассе, Том немного изменил свое мнение о парне. Но, опять же, не в худшую сторону.

За этот короткий приезд успели немного. Однажды вечером выпили напару темного пива в пабе. В выходные вдвоем съездили в Дублин на знакомство с прежней семьей Тома, с его мальчиками-близнецами. Два других воскресенья подряд ходили на воскресную службу, но просто так, как туристы.

Хотя дед и был священником, к клерикальной среде Том приостыл с детства, службами тяготился, скучал на них и всегда ждал какой-то развязки, то есть конца. В тот день, во время мессы Том заметил в парне что-то новое, опять его поразившее. Всеволод всю службу простоял молча. Именно простоял, а не просидел, как другие, при этом даже не пошелохнувшись, с первой и до последней минуты. Но глаза его, малоподвижные, сосредоточенные на происходящем, выражали какое-то немое удовольствие, одному ему понятное. В лице проступало то отчужденно-радостное выражение, какое бывает у детей, когда они чем-то по настоящему увлечены: «Ну, подождите, мол! Дайте еще немного посмотреть! Ну, пожалуйста...»

Со стороны это выглядело и странно и вместе с тем умиляло, удивляло. Странно было видеть в русском паренке столь откровенный интерес к обычной ирландской церкви, которых в Ирландии сотни и сотни. Тому казалось очевидным, что существует какая-то связь между тем, что ему бросалось в глаза сегодня, пока они были на службе, и тем, что рассказывала Аквамарина о своих беседах с настоятелем Учиновского храма. Батюшка вроде бы жаловался ей на сына, но таким тоном, будто тот принадлежал к его среде, к приходу, когда уже сам факт, что сын ее где-то там, на подворье, пытается подрабатывать, был для нее непонятной, немного оглушительной новостью. У парня были свои отношения с этим миром. И именно этого, похоже, никто толком не понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.